

Н. Ю. Сухова

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН (КАПУСТИН) И КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ: ПАРАДОКС ПОДГОТОВКИ УСПЕШНОГО МИССИОНЕРА*

Статья посвящена духовно-академическим годам знаменитого русского миссионера, церковного историка и востоковеда, самого долговременного и успешного начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, создателя Русской Палестины архимандрита Антонина (Капустина). Архимандрит Антонин получал образование и формировался как церковная личность в российской духовной школе, пройдя все ее ступени: Далматовские духовные училища (1823–1831), Пермскую (1831–1836), затем Екатеринославскую (1836–1839) духовные семинарии, Киевскую духовную академию (1839–1843). Успешность церковно-практического служения архимандрита Антонина в соотнесении с традиционным обвинением российской духовной школы XIX в. в «схоластичности», замкнутости, отстраненности от реальных церковных проблем, выхлещивании живого религиозного чувства представляет парадокс, изучению которого и посвящена статья.

Хронологические рамки статьи охватывают период обучения (1839–1843) и преподавания (1843–1850) о. Антонина в КДА. Внимание в статье сосредоточено прежде всего на духовно-академических реалиях и обращено внимание на особенности учебной ситуации и порядков в высшей духовной школе в целом и, в частности, в КДА в период обучения и преподавания архимандрита Антонина. Автор подробно рассматривает учебную концепцию святителя Иннокентия (Борисова), выработанную в период его руководства Киевской академией и во многом определившую жизнь академии и на последующие годы. Выделены основные дисциплины, которые изучал архимандрит Антонин в период его ученичества и даны краткие характеристики профессорам и их учебным курсам.

В статье затронуты и вопросы воспитания в духовной академии, нравственное влияние профессоров на студентов. Автор статьи выявляет личности, которые могли влиять на о. Антонина в его становлении: митрополита Киевского и Галицкого святителя Филарета (Амфите-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Встреча богословия и истории в Русской духовно-академической традиции в XIX — начале XX в.» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

атрова), ректоров КДА святителя Иннокентия (Борисова), епископа Иеремию (Соловьева), архиепископа Димитрия (Муретова), заместителя Киево-Печерской лавры архимандрита Лаврентия (Макарова) и духовника архимандрита Парфения. Рассмотрены состояние академического монашества в КДА в 1830–40-х гг., а также подробности выбора монашеского пути Андреем Капустиным.

В результате исследования автор приходит к выводу: Киевская академия, созданная сочетанием общего направления духовного образования 1808–1814 гг., новых тенденций и импульсов 1830–40-х гг., особенных черт Киевской академии и личностей, в ней начальствующих, учащихся и учащихся, вполне соответствовала своему назначению — готовить к просвещенному служению Церкви. Поэтому вряд ли справедливы все обвинения в «дурной схоластичности», отсутствии молитвенного настроения, духовной жизни и пр. Разумеется, каждый выпускник вмещал и воспринимал все предлагаемое настолько, насколько мог в силу своих дарований, семейного воспитания, ревности по делу, искренности, устремленности к будущему служению, жертвенности. В контексте общей «духовной учености» вращивались собственные дарования и развивались интересы каждого студента. В личности архимандрита Антонина, наделенного от природы не только немалыми и разнообразными талантами, но и интересом к самым разным наукам, устройению бытия на всех его уровнях, ярко проявилось все богатство киевского «духовного вертограда». Особый же путь, уготованный архимандриту Антонину, позволил не только впитать, но плодотворно реализовать черты родной академии, которые, может быть, не столь ярко выявились в судьбах других ее питомцев.

Ключевые слова: *русское богословие, Киевская духовная академия, архимандрит Антонин (Капустин), святитель Иннокентий (Борисов).*

Тема данной статьи имеет проблемную заостренность и может вызвать недоумение: почему же подготовка успешного миссионера в духовной академии является парадоксом и в чем состоит означенный парадокс? Поэтому основная часть статьи требует поясняющего введения. Один из самых известных русских востоковедов, археологов, церковных историков архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин) получал образование и формировался как церковная личность в российской духовной школе, пройдя все ее ступени: Далматовские духовные училища

(1823–1831), Пермскую (1831–1836), затем Екатеринославскую (1836–1839) духовные семинарии, Киевскую духовную академию (1839–1843). Российская духовная школа XIX в. традиционно обвинялась и обвиняется в «схоластичности», замкнутости, отстраненности от реальных церковных проблем, выхолащивании живого религиозного чувства, а ее выпускники — в неспособности к подвижническому церковному служению, особенно к такому специфическому, как миссионерское.

Однако, несмотря на все эти обвинения, среди выпускников духовной школы есть великие миссионеры, одним из которых является архимандрит Антонин. Плодотворность служения архимандрита Антонина на миссионерском поприще не вызывает сомнения: достаточно вспомнить 29 лет его руководства Русской духовной миссией в Иерусалиме (1865–1894), созданную им Русскую Палестину, да и ранние служения при посольских церквях в Афинах и Константинополе (1850–1865). Парадокс налицо. В чем же дело? Духовной школе все же удавалось готовить служителей Церкви, полезных и успешных на том или ином поприще, — то есть приведенные выше ее оценки несправедливы или, по крайней мере, односторонни? Или архимандрит Антонин в лучших своих качествах сформировался вопреки школьной системе и смог уберечь свою миссионерскую харизму от «школьного молотка»? Были ли вообще полезны для служения о. Антонина на Православном Востоке знания, полученные в высшей духовной школе, и сама школьная обстановка, или он действовал исключительно харизматически?

История русского присутствия в Святой Земле в последние годы стала особым научным направлением и, разумеется, деятельность архимандрита Антонина имеет на настоящий момент обширную историографию. Но его духовно-академическая юность пока изучена явно недостаточно. Конечно, история Киевской духовной академии изучалась неоднократно ее дореволюционными преподавателями и выпускниками¹,

¹ *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской духовной академии. СПб., 1843; *Аскоченский В.* История Киевской духовной академии. Киев, 1863; *Аскоченский В. И.* Киев с древнейшим его училищем и академией: в 2 ч. Киев, 1856; *Малышевский И. И.* Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии (далее: ТКДА). 1869. № 11/12. С. 64–138; *Титов Ф. И., свящ.* Очерки из истории Киевской духовной академии // ТКДА. 1897. № 10. С. 167–207; *Титов Ф. И., прот.* Императорская Киевская духовная академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915). Историческая записка. Киев, 1915; и др.

значительно пополнился этот историографический комплекс в последние годы в связи с подготовкой и празднованием 400-летия академии в 2015 г.² Следует обратить внимание на две статьи, посвященные академическим годам святителя Феофана Затворника, учившегося в КДА на курс старше архимандрита Антонина³. Однако специальных исследований, связанных с присутствием в КДА архимандрита Антонина пока не проводилось. Биограф архимандрита Антонина архимандрит Киприан (Керн) в 1934 г. писал: «Об его [архимандрита Антонина. — Н. С.] студенческих годах мы ничего не знаем»⁴. Разумеется, мы находимся в лучшем положении, чем о. Киприан, имевший в своем распоряжении документы из Иерусалимской миссии и опубликованные источники, но лишенный возможности обратиться к русским архивам. Нам ныне доступен дневник о. Антонина, три с лишним тома которого посвящены киевскому периоду его жизни⁵. Недавно силами современных Русской духовной миссии в Иерусалиме и Киевской духовной академии издан альманах, содержащий комплекс интересных источников, преимущественно эпистолярного характера, связанных с киевским периодом жизни о. архимандрита. Но дневниковые записи и дружеские письма надо соотносить с духовно-академическим контекстом в целом, и киевским в частности: лишь в этом случае акценты личностного восприятия могут дать рельефную картину. И, напротив, в этом случае личностное восприятие дополнит историю КДА тех лет и поможет почувствовать их колорит, особенно через призму характерного природного «капустинского» юмора — конечно, последнее требует воспринимать некоторые замечания о. Антонина с учетом его шуточного стиля. Комментирован-

² Основные результаты и перспективы этих исследований см.: *Бурега В. В.* Вивчення Київською духовною академією власної історії: здобутки останніх років і перспективи // ТКДА. № 23. Київ, 2015. С. 105–117.

³ *Климент (Капалин), митр.* Феофан, Затворник Вышенский: молодость в Киевской духовной академии // Сайт «Богослов.ru». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5073540.html> (дата обращения 26.04.2017); *Щербакова М. И.* Киевская духовная академия в годы учения святителя Феофана (Говорова) // Филаретовский альманах. № 11. М., 2015. С. 176–189.

⁴ *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин. Белград, 1934. Переизд.: *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 1997. С. 39.

⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1119 (частично), 1120, 1121, 1122.

ная публикация дневника архимандрита Антонина за его академические годы и его полноценное введение в научный оборот — дело будущего, на настоящий момент осуществлена лишь публикация дневника о. Антонина за 1850 г., захватывающего последние месяцы пребывания его в академии⁶; в данной статье используются лишь отдельные места дневника. Хронологические рамки статьи охватывают в основном период обучения (1839–1843) и преподавания (1843–1850) о. Антонина в КДА.

В духовно-учебной жизни можно выделить две неразрывно связанные составляющие: собственно образование, то есть состав изучаемых предметов и методы преподавания, а также умения и навыки, которые старались выработать у студентов, и церковное воспитание. Разумеется, как в образовательном, так и в воспитательном процессе большое значение имели личности: правящего архиерея, ректора и инспектора, членов преподавательской корпорации, а иногда и соучеников — старших товарищей или однокурсников. Для КДА в период обучения и преподавания там архимандрита Антонина — это митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров, 1837–1857), имевший большое влияние на учащихся и учащихся, а также его предшественник по кафедре митрополит Евгений (Болховитинов). Хотя последний скончался в 1837 г., за два года до поступления в академию Андрея Капустина, идеи и сама личность преосвященного Евгения много значили для формирования особых черт КДА, сохранявшихся и в последующие годы.

Ход академической жизни во многом определялся ректором. Андрей Капустин, поступив в КДА, еще застал на посту ректора святителя Иннокентия (Борисова), возглавлявшего академию с 27 августа 1830 до 10 октября 1839 г., с 21 ноября 1836 г. в сане епископа Чигиринского. Полтора года после ухода святителя Иннокентия ректорствовал архимандрит Иеремия (Соловьев) — близкий друг и почитатель святителя Иннокентия еще со времени общего обучения в Севской (Орловской) ДС. Вряд ли о. Иеремия обладал собственными идеями относительно устройства академической жизни: будучи всегда и во всем поклонником талантов своего друга, он старался продолжать линию святителя Иннокентия, тем более последний до 1 марта 1841 г. оставался в Киеве викарием. 6 апреля 1841 г. архимандрит Иеремия был хирото-

⁶ Дневник архимандрита Антонина (Капустина). 1850 / *сост., подг. текста Л. А. Герд, К. А. Вах.* М., 2013.

нисан во епископа Чигиринского, сменив своего друга, а на должность ректора КДА был назначен архимандрит Димитрий (Муретов). Он был ректором до конца 1850 г., то есть до конца преподавания о. Антонина в академии. Впрочем, архимандрит Димитрий имел влияние на студентов академии и ранее, так как еще с 1838 г. был инспектором. После перемещения о. Димитрия на ректорскую должность инспектором стал иеромонах, а вскоре архимандрит Иоанникий (Горский).

Конечно, влияние — и учебное, и нравственное — на студентов имели и преподаватели: как убежденные сединой профессора, так и молодые бакалавры, недавно кончившие академию. Но о них будет сказано в связи с преподаваемыми ими предметами.

Архимандрит Антонин учился и преподавал в КДА в период действия Устава духовных академий 1814 г.⁷, который хотя и не менялся официально вплоть до 1869 г., к концу 1830-х гг. претерпел немало изменений и в отношении учебных планов, и в отношении новых идей, включенных в школьную жизнь. Несмотря на единый Устав, у каждой академии в 1830–1850-х гг. были свои особенности: новые дисциплины, формы студенческих занятий вводились по инициативе правящего архиерея или ректора — разумеется, с благословения Синода. И в Киевской академии эти особенности проявлялись особенно ярко и ввиду ее исторического пути — самой старой из 4-х академий Российской империи, определившей сам тип духовной школы в XVIII в., и ввиду специфики местоположения, и ввиду ярких личностей, занимавших начальственные должности.

Главное предназначение духовных школ, согласно Уставу 1814 г., состояло в воспитании «благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия»⁸, поэтому чтение Священного Писания должно было продолжаться на протяжении всех четырех лет академического обучения, охватывая и младшее, небогословское отделение. Служение Слову Божию определяло и весь строй семинарий и академий, причем подразумевало два уровня: служению Богу Слову, Воплощением Которого определялись спасение человеческое и сама возможность богословия; и служение слову

⁷ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910–954 (далее: Устав 1814 г.).

⁸ Там же. С. 911.

Божию, запечатленному в Священном Писании, главном источнике богословия и критерии христианской жизни. Так как служение Слову Божию подразумевало ответное слово человеческое, студенты духовной школы должны были владеть им в возможном совершенстве, поэтому важное место в академиях занимали словесность и гомилетика⁹.

Указанная устремленность определяла, но не ограничивала духовно-академический учебный план, и по Уставу 1814 г. он включал шесть классов наук: богословский, философский, словесный, исторический, языковой и физико-математический¹⁰. Академический курс разделялся на два двухлетних отделения: предполагалось, что в младшем должны преподаваться, кроме Священного Писания, общеобразовательные дисциплины, старшее же посвящалось исключительно богословию. Эталонная система духовно-академического богословия (*Architectonica Theologica*), составленная в 1814 г. архимандритом Филаретом (Дроздовым), включала, кроме продолжающегося чтения Писания, богословие толковательное (*Hermeneutica*), созерцательное (*Dogmatica*), деятельное или нравственное (*Practica*), обличительное (*Polemica*), собеседовательное (*Homiletica*) и правительственное (*Jus Canonicum*)¹¹.

Но к 1830-м гг. эта система богословия претерпела некоторые корректировки, причем проводились они чаще всего локально, в конкретных академиях, по инициативе правящего архиерея или ректора и с благословения Святейшего Синода. Изменился сам российский исторический и идейный контекст, что не могло не повлиять и на духовные академии. Эпоха Николая I и обер-прокуратура графа Н. А. Протасова в интеллектуально-богословской области выразилась закрытием Российского библейского общества (1826), критикой катехизиса святителя Филарета Московского, «делом протоиерея Герасима Павского», связанным с переводом Ветхого Завета с еврейского на русский язык. Повысилась внимание к догматическому богословию, святоотеческому наследию, церковно-практическим дисциплинам, причем и связанным с

⁹ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект... С. 923–924.

¹⁰ Там же. § 131–176. С. 923–927.

¹¹ Обзорение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. Т. I. СПб., 1885. С. 127–149.

пастырским служением, как таковым, и с миссией. В эти годы святитель Иннокентий (Борисов) был очень востребован и авторитетен: его собственные идеи соответствовали духу времени. Именно ему в 1836 г. — как только Н. А. Протасов стал обер-прокурором — было поручено составление для духовных академий нового учебного плана, который бы приводил в систему все ситуационно введенные изменения и отвечал новым запросам. Характерен ответ архимандрита Иннокентия сотруднику обер-прокурора К. С. Сербиновичу: «Как можно мне писать по нынешнему ходу наук, когда я против сего хода...?»¹². Но все же новая концепция высшего духовного образования была составлена, основывалась она на ректорском опыте святителя Иннокентия и в значительной степени отражала учебный план КДА второй половины 1830-х гг.

Несмотря на радикализм в указанных выше словах молодого ректора, некоторые черты учебного плана 1814 г. он сохранил: два отделения, определяющее значение Священного Писания, важность словесности и гомилетики. Но появилось и новое. Новой в концепции святителя Иннокентия была, прежде всего, *церковность*, понимаемая как «заточенность» всего духовно-академического процесса на подготовке церковного «учителя веры и пастыря», то есть предоставление воспитанникам всех средств «к основательному познанию состава и духа своей Православной Церкви» и выработке *умения* использовать это в будущем служении¹³. Святитель Иннокентий видел лакуны в учебном плане начала XIX в. и предлагал ввести новые дисциплины: символику Православной Церкви, патрологию или учение об отцах Церкви, литургику, церковную географию и статистику, которые должны «идти об руку с церковной историей», пастырское богословие, а также педагогику¹⁴. Хотя записка содержала предложения и имела в виду перспективу высшего духовного образования, в КДА святитель Иннокентий смело реализовал многие из этих предложений. Так, еще в 1833 г. был составлен конспект по «екклезиастике», которая, состоя из символики, литургики, иерархии и каноники, должна была давать студентам полноценное

¹² Из писем Херсонского архиепископа Иннокентия к К. С. Сербиновичу // Русский архив. Т. СХХIV. 1907. № 8. С. 432.

¹³ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой // Филаретовский альманах. Вып. 6. М., 2010. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 54–57.

представление о Православной Церкви¹⁵. Важным было и стремление святителя Иннокентия в преподавании богословия перейти с привычной латыни на язык «отеческий», причем не для облегчения студентов, ослабевших в латыни, а для развития русского богословского языка и самостоятельности православных богословских идей¹⁶.

Очень большое значение святитель Иннокентий придавал воспитанию преподавателей, их постепенному вхождению в тонкое преподавательское дело. Так как официальные штаты не позволяли иметь при академии «в запасе опытных кандидатов на места наставнические», как предлагал святитель Иннокентий в своей записке¹⁷, он завел в КДА порядок: чаще всего лучших выпускников оставляли преподавать языки, а по прошествии некоторого времени поручали им преподавать богословские дисциплины. В этом был еще один плюс: некоторые из молодых преподавателей успевали определиться, принять монашество и священный сан, а в КДА старались ставить на преподавание богословия духовных лиц. Именно таким путем шел в своей преподавательской карьере и архимандрит Антонин: преподавал некоторое время немецкий, затем греческий языки, и лишь потом ему было доверено преподавание нравственного богословия, а затем и священной герменевтики и обличительного богословия.

Обратим теперь внимание на академические реалии, с которыми встретился курс Андрея Капустина — XI по общему счету КДА с ее образования (1819). Священное Писание в младшем и старшем отделениях преподавал иеромонах Фотий (Щиревский). Он окончил КДА двумя годами раньше (1837), но уже успел прослыть «большим талантом». В дневнике мало оценок самого преподавания, чаще — краткие замечания: «Священнописец вел речь о божественности Н. Завета»¹⁸; иногда — шуточные: «О. Фотий на лекции советовал прогуливаться и пить молоко. Но прошу не думать, чтобы это говорилось все просто. Извольте-ка прогуливаться по Св. Писанию и пить млеко словесное...»¹⁹.

¹⁵ *Ястребов М. Ф.* Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов), как профессор богословия Киевской духовной академии // ТКДА. 1900. № 12. С. 536.

¹⁶ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова)... С. 63–64.

¹⁷ Там же. С. 57–58.

¹⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 83.

¹⁹ Там же. Л. 110 об.

Кроме Священного Писания «духовную ученость» в младшем отделении представляли небогословские предметы: философия, гражданская история и словесность, древние и новые языки, математика, физика и география. Нередко считают, что широта духовно-учебного «универсума» в семинариях была обусловлена необходимостью дать будущим священникам общее образование, а в академиях — подготовкой к преподаванию небогословских дисциплин в семинариях. Однако мысль авторов Устава 1814 г., разработавших этот «универсум», была глубже: выпускник академии должен был правильно понимать Божественное установление миропорядка. Но для этого, конечно, все небогословские науки должны в духовной школе соответственно преподаваться. Эта идея была особенно дорога святителю Иннокентию (Борисову), который считал, что «Философия, Физика, История, Словесность в самых светских Училищах весьма много теряют достоинств от того, что их не доводят до высшего, спиритуального направления, которое свойственно им по самой их натуре и без коего они тускнут и мертвеют»²⁰. Святитель Иннокентий сформулировал ряд общих рекомендаций для реализации этого замысла в каждой науке: 1) исходить из того, что каждая наука — «приуготовление к богословию»; 2) выделять «те начала и последствия, коими она ведет к вере и нравственности»; 3) приводить примеры, которые «ближе к религии по их содержанию и духу»; 4) фокусировать внимание студентов на отношении каждой науки к богословию и практическом употреблении в пользу религии²¹.

Главным авторитетом киевской духовно-академической философии был знаменитый профессор протоиерей Иоанн Михайлович Скворцов, во многом задавший камертон всей киевской философско-богословской традиции. Уже вступительный экзамен, принимаемый о. Иоанном, был для потенциальных студентов непростым испытанием²². Но в основном преподавали философские предметы Петр Семенович Авсенов и Василий Николаевич Курковский, хотя и «сам почтеннейший Иван Михайлович Скворцов» нередко приходил на занятия²³. П. С. Авсенов, несмотря на относительную молодость — он кончил КДА в 1833 г., — в

²⁰ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова)... С. 43.

²¹ Там же. С. 59–60.

²² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1119. Л. 284 об.

²³ Там же. Л. 287.

октябре 1839 г. уже стал экстраординарным профессором. Он пользовался не только большим авторитетом у студентов, но их любовью и доверием, а для архимандрита Антонина стал близким другом и примером. Для П. С. Авсенева любимым аспектом философии была психология. Еще в семинарии Андрея Капустина очень интересовало христианское учение о душе, «основные истины психологии», как средство противостояния «превратно направленной опытной психологии», возможности «доказать утешительную, спасительную истину нашего бессмертия»²⁴. Да и природное свойство будущего архимандрита Антонина — умение переноситься во снах и в мечтах как в прошлое, так и в будущее — требовало объяснения с точки зрения православного учения о душе. Курс психологии, читавшийся П. С. Авсеневым, предоставлял такие возможности. Уже первую лекцию П. С. Авсенева по психологии А. Капустин оценил высоко: «Славно!»²⁵.

Гражданскую словесность в младшем отделении читал профессор Стефан Федорович Соловьев, но это была лишь подготовка к церковной словесности, учение излагать свои мысли, учась на лучших образцах. В дневнике Андрея Капустина есть краткие упоминания о том, как он «решал возражение Соловьеву»²⁶ — возможно, речь идет о построении «риторического возражения», популярного в духовных школах XVIII в., но вовсе не бесполезного и в дальнейшем. Однако и в младшем отделении студенты учились составлять и произносить проповеди, а на некоторых уроках словесности «чинили разбор... проповеди»²⁷. Но наиболее впечатляющим было общение студентов младшего отделения с профессором церковной словесности, уже знаменитым к тому времени Яковом Косьмичем Амфитеатровым, который проверял студенческие проповеди. Но о нем будет сказано ниже.

Естественные науки, казалось бы, стояли дальше от богословия, чем гуманитарные, однако в понимании святителя Иннокентия это было не так. Он сам особенно любил астрономию, которая для него знаменовала тайны Божественного мироздания. Друг святителя Инно-

²⁴ Письма архимандрита Антонина Капустина к протоиерею Серафиму Антоновичу Серафимову // ТКДА. 1906. № 10. С. 132.

²⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1119. Л. 287.

²⁶ Там же. Л. 298 об.

²⁷ Там же. Л. 297.

кентия преосвященный Иеремия (Соловьев) вспоминал, что во время их обучения в Севской ДС Иван Борисов, читая книгу по астрономии, был так «поражен величием и устройством миров, что упал ниц»²⁸. В 1851 г. святителю Иннокентию даже было поручено от Академии наук провести наблюдение и составить отчет о солнечном затмении, которое наблюдалось в Бобринце²⁹. Будучи ректором КДА, святитель Иннокентий всячески поощрял интерес студентов к астрономии, считая, что это оживляет и чувство богословия; этому следовали и преемники святителя Иннокентия. Андрей Капустин интересовался астрономией еще в семинарский период, и в академии его интересы нашли благодатную почву для развития. Знаменательно, что в своем завещании он любимой академии завещал свой знаменитый большой телескоп³⁰.

Геометрия, «олицетворенная в профессоре Давиде Александровиче Подгурском», казалась А. Капустину более «холодной»³¹, опасность ответа по алгебре «пану Чеху» или «известному математическому миру Чеховичу» — бакалавру Венедикту Павловичу Чеховичу — всегда вызывала характерную реакцию, особенно когда речь заходила «о корнях n -й и m -й степени»: «вот ужас!»³². Любопытны краткие заметки о соотношении математики с Писанием: «После божественности Св. Писания — госпожа единица, разделенная на различные фокусы, возвышалась в бесконечность. Если бы не было досадно на свою тупость, я постарался бы поохотать над этим возвышением»³³. Однако сами преподаватели были очень близки к студентам, особенно Д. А. Подгурский, с племянниками которого, жившими в Киеве у дяди, Андрея связала близкая дружба и даже влюбленность.

Греческий язык был интересен для будущего о. Антонина еще в семинарии — его успехи были столь значительны, что в старшем отделении семинарии он был назначен учителем греческого языка в млад-

²⁸ *Иеремия (Соловьев), еп.* Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом, в Бозе почившем // Нижегородские епархиальные ведомости. 1885. № 24. С. 7.

²⁹ *Палимпсестов И. И.* Учитель и ученик // Русский архив. 1896. Т. 1, № 2. С. 272.

³⁰ ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9048. Л. 1–25.

³¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 4.

³² Там же. Д. 1119. Л. 296 об., 298 об.

³³ Там же. Л. 295.

шем отделении. Интерес и успехи еще более возросли в академии, хотя в дневнике архимандрит Антонин неоднократно замечает, куда он отправлялся и что делал «вместо греков»³⁴. Но, видимо, обычные уроки были уже не очень для него интересны, ибо наряду с этим часты упоминания о том, что «дотемна переводил из греческого лексикона»³⁵. Первое же служение в Афинах показало, что архимандрит Антонин не только свободно читал на древнегреческом, но и говорил на новогреческом не хуже природных греков, что, конечно, очень поднимало его авторитет³⁶. Не менее важно было впитанное в школьные годы «эллинство», которое позволило о. Антонину не просто чувствовать себя своим на православном Востоке, «ставить себя в положение грека», стать «отъявленным византистом»³⁷, но полюбить греческий Восток всем своим богатым и щедрым сердцем.

Священную герменевтику в старшем отделении читал иеромонах Серафим (Аретинский), известный своим крайним смирением, сердечной добротой, «ангельским» поведением — характерны неоднократные замечания в дневнике Андрея Капустина: «порхал Серафим»³⁸. По некоторым штрихам можно понять, что о. Серафим опирался в своих лекциях прежде всего на святоотеческую экзегезу, фокусировал внимание студентов на богословском смысле Писания, обращая внимание на отличие священной герменевтики от светской. Знаменательна речь о. Серафима, произнесенная им в 1842 г., — правда, уже в Казанской духовной академии, куда он был назначен инспектором: «Божественное Откровение есть единственно нужное руководство для наставников при преподавании и для воспитанников при изучении всех наук»³⁹.

Основное и догматическое богословие читал архимандрит Димитрий (Муретов), сменивший на этой кафедре святителя Иннокентия, как только последний стал викарием. Так как лекции архимандрита Димитрия не были опубликованы и даже, увы, не сохранились в авторской

³⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 296 об.

³⁵ Там же. Л. 296.

³⁶ Антонин (Капустин), архим. Поездка в Румелию. СПб., 1879. С. 21.

³⁷ Там же.

³⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 108.

³⁹ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): в 3 вып. Вып. 1. Казань, 1891. С. 31–37.

редакции, реконструируются они лишь относительно. Тем не менее, можно заключить, что курс о. Димитрия по общему богословию строился достаточно просто и четко: учение о религии вообще и учение о религии христианской, но все это предварялось общим введением в курс богословских наук, включенным в учебный план еще святителем Иннокентием⁴⁰. Догматическое богословие состояло из двух частей: учения о Боге как предмете веры (о Троицином Боге, о творении мира, Промысле Божиим, ангелах, человеке) и учения о спасении рода человеческого Сыном Божиим (о приготовлении рода человеческого к принятию Испытателя, о Пришествии Иисуса Христа и Его служении)⁴¹. Архимандрит Димитрий видел свою главную задачу в введении студентов в глубокое понимание откровенных истин и обеспечении их крепкой и надежной защитой против различных «рационалистических суемудрий». Поэтому курс его строился на твердом основании Писания и Предания; один из преемников архимандрита Димитрия по кафедре называл метод последнего «историко-библейским»⁴². Архимандрит Димитрий безусловно был авторитетен в студенческой среде — это чувствуется и по дневнику архимандрита Антонина. Архимандрит Киприан (Керн) писал, что в музее Иерусалимской миссии хранился удачно нарисованный о. Антонином портрет архимандрита Димитрия⁴³.

Ко времени перехода Андрея Капустина в старшее отделение во всех духовных академиях была официально введена патристика (X курс КДА слушал лишь краткий очерк «Введения в патрологию»). В КДА ее читал Виктор Ипатьевич Аскоченский, причем в его лекциях курс назывался не «патристикой», а «патрологией», что было важно для него и

⁴⁰ *Ястребов М. Ф.* Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов)... С. 528–532; *Титов Ф. И., прот.* Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: историко-биографический очерк: в 3 т. Киев, 1895–1903. Т. 1. С. 184.

⁴¹ *Предеин Д., прот.* Догматическое учение Димитрия (Муретова), архиепископа Херсонского. Андреевский вестник: Пастырско-богословский журнал Одесской духовной семинарии. 2007. № 14 // Сайт Одесской духовной семинарии. URL: http://www.odseminary.orthodox.ru/magazine/14/Muretov_dogmatica.htm (дата обращения: 01.05.2017); *Скабалланович М. Н.* О лекциях по богословию архимандрита Димитрия (Муретова) в их студенческих записях // ТКДА. 1911. № 3. С. 444–449.

⁴² *Скабалланович М. Н.* О лекциях по богословию архимандрита Димитрия (Муретова)... С. 446.

⁴³ *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин... С. 40.

будущего служения его учеников. «Патрология есть наука, руководствующая к деятельному познанию св. отцов, их жизни, писаний и содержащегося в них правильного учения веры и христианской нравственности», патристика же, предполагая «систематическое изложение истин, содержащихся в творениях отцов Церкви», неизбежно упускает «критический анализ внешней судьбы и внутреннего содержания творений отеческих»⁴⁴. Для будущих изысканий архимандрита Антонина очень характерен критический подход к источникам, стремление точнейшей их датировки и подлинности содержания.

В 1830–40-х гг. в КДА очень большое внимание уделялось проповеди. Это подразумевалось указанной выше общей задачей духовных школ — воспитание «благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия», — однако в КДА отношение к проповедничеству имело особые черты. Сам святитель Иннокентий славился как проповедник, причем проповедник-практик, уверенный, что сила проповеди не в тонких мыслях и красивом слове, а в убежденности проповедника в том, о чем он говорит, его искренности и преданности своему призванию, благоговейном и молитвенном настроении и ревности о славе Божией и благе ближнего. Про его проповеди современники с восторгом говорили, что «сам Златоуст не отказался бы от этих слов»⁴⁵. Будучи ректором, святитель Иннокентий завел порядок студенческих проповедей не только в «училищном» Братском монастыре, но и «в городе», в киевском Михайловско-Златоверхом монастыре, который посещало много народа. Блестящим проповедником был и ректор архимандрит Димитрий (Муретов), считавший, что проповедник должен лично переживать все, о чем он говорит, «износить из своего сердца то, чем это сердце живет и дышит», а для этого должен всего себя настроить сотериологически и не бояться говорить правду «о крайнем», то есть о том, «что ожидает нас за гробом»⁴⁶.

Этой же линии — простоте и чистоте, церковной практичности и религиозной воодушевленности проповеди — следовал и профессор церковной словесности Яков Косьмич Амфитеатров. Главной его заслу-

⁴⁴ ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 387. Л. 15–16.

⁴⁵ Барсов Н. И. Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского // Христианское чтение. 1888. № 1/2. С. 199.

⁴⁶ Гроссу Н., *свящ.* Архиепископ Димитрий Муретов, как проповедник // ТКДА. 1911. № 3. С. 440–441.

гой был решительный отход от старинных формул риторики, мертвящих проповедь, и устремленность к святоотеческому красноречию, учащему вещать слово Божие живо и действенно, благотворно и спасительно. Много значило и личное отношение профессора к студентам: «Среди своих слушателей он бывал точно друг и отец семейства: он говорил все, что знал, говорил как можно сокращеннее, чтобы студент не выходил из аудитории с головой, набитой балластом громких выражений, пышных фраз и плохо примененных к делу сентенций, всегда старался быть ясным и точным, не стыдился признаться в том, чего не знает, не навязывал себе вещей, которые не были усвоены им сознательно»⁴⁷.

В дневнике архимандрита Антонина регулярно встречаются краткие упоминания о проповедях, произносимых учащими и учащимися, иногда дается и их оценка. Свои проповеди о. Антонин готовил тщательно, начиная с первого года пребывания, — часты упоминания «читал из Библии о прокаже для проповеди будущей», «черно исправил проповедь», «встал раненько, дописал проповедь»⁴⁸. Став преподавателем и приняв священный сан, о. Антонин даже подготовил сборник своих проповедей и успел издать его еще до отъезда из Киева, как и стихотворный сборник, посвященный Страстной седмице, еще из семинарских стихов⁴⁹. Опыт академических лет и примеры святителей Филарета и Иннокентия помогли архимандриту Антонину в дальнейшем служении стать замечательным проповедником, причем лучшие свои «слова» он посылал в родную академию⁵⁰.

Характерной чертой российской интеллектуальной жизни 1830-х гг. являлся «исторический подъем», захвативший и духовную школу. Однако КДА испытала этот подъем раньше, чем остальные академии, еще в

⁴⁷ Аскоченский В. История Киевской духовной академии. С. 252.

⁴⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1119. Л. 296, 298 об., 299 и др.

⁴⁹ Антонин [(Капустин)], иером. Проповеднический круг подвижных праздников Церкви: Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие особенно чествуемые дни Пасхи и Цветной Триоди: в 2 ч. Киев, 1850; Он же. Седмица страстей Христовых. Киев, 1850.

⁵⁰ А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, вечером в Великий Пяток при обношении плащаницы, ночью 26 марта 1871 г. / публ. Л. Мацеевича // ТКДА. 1871. № 4. С. 219–224; А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, при обношении Плащаницы, ночью 11 апреля 1875 г. // Там же. 1875. № 6. С. 818–822; А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, при обношении Плащаницы, ночью 2 апреля 1876 г. // Там же. 1876. № 5. С. 410–417.

1820-х гг. Интерес к церковной истории — и всеправославной, и всероссийской, и местной киевской — был определен еще митрополитом Евгением, собиравшим для академии коллекцию исторических памятников и установившим премии за лучшие церковно-исторические исследования. Считая русскую церковную историю наиболее подходящей для академической научной деятельности, митрополит Евгений велел и для курсовых рассуждений студентов давать не отвлеченные темы, а конкретные, подразумевающие работу с источниками, преимущественно «из предметов, относящихся до православной Российской Церкви»⁵¹.

Вовлечение преподавателей и студентов академии в церковно-исторические исследования продолжал святитель Иннокентий (Борисов), семь лет прослуживший ректором при митрополите Евгении, да и сам не чуждый исторического интереса. Самому святителю Иннокентию принадлежит ряд церковно-исторических сочинений, не менее важны составленные им проекты по научному изданию церковно-исторических источников: древних православных вероучительных изложений и исповеданий, деяний Вселенских и Поместных церковных Соборов, церковных правил. Не все проекты святителя Иннокентия были завершены⁵², но сам опыт преподавателей и привлекаемых студентов по выявлению источников и их научной разработке дал импульс дальнейшим самостоятельным исследованиям. Общую церковную историю преподавал Димитрий Иванович Макаров — выпускник КДА 1835 г. И хотя в воспоминаниях студентов КДА манера его чтения оценивались по-разному⁵³, в лекциях подкупала не только старательная работа над

⁵¹ Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. СПб., 1888; Малышевский И. И. Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // ТКДА. 1869. № 11/12. С. 92–94, 110–111.

⁵² Так, проектируемый и отчасти начатый труд святителя Иннокентия «История Соборов Вселенских и Поместных, в их подлинных деяниях» (acta conciliorum) был завершен Казанской духовной академией; осуществление задуманного и спроектированного святителем «Церковного архива» (библиотеки древних и новых исторических сочинений о Православной Церкви с присоединением сборника иностранных сочинений о Русской Церкви) было поручено КДА: составленный проект «Истории Церкви Российской в связи с историей Церкви других единоверных нам племен славянских».

⁵³ Так, выпускник КДА 1839 г. В. И. Аскоченский писал о лекциях Д. И. Макарова, что «досадно и скучно слышать хорошую лекцию, исковерканную какою-то фанатическою набожностью к целости букв и положенную на какие-то жалкие ноты монотонии» (Аскоченский В. И. Дневник // Исторический вестник. Т. VII. 1882. № 2. С. 337).

ними автора, но и благоговейное отношение к древности церковной⁵⁴. Видимо, склонность архимандрита Антонина к кропотливым историко-археологическим изысканиям, трудоемким описаниям архивов и библиотек, выявлению и публикации исторических источников сформировалась под влиянием этого исторического подъема и примера наставников. Вся обстановка в академии располагала студентов проникнуться церковно-историческим чувством; недаром в дневнике часты упоминания о том, как Андрей с товарищами «с историческими думами сидели на древне-киевском валу»⁵⁵. А в дальнейшем о. Антонин признавался: «Не могу устоять против влекущей силы древности. Встречаясь с нею где бы то ни было, я точно вижу колыбель свою»⁵⁶.

Возрастание интереса к истории отечественной Церкви привело к учреждению в 1841 г. в КДА особой кафедры русской истории — церковной и гражданской, — и лишь в 1844 г. это распространилось на остальные академии. Первым преподавателем русской истории в КДА стал бакалавр иеромонах Макарий (Булгаков) — выпускник предшествовавшего X курса. Курсу Андрея Капустина иеромонах Макарий читал русскую церковную историю, старательно составляя собственные конспекты, — первая же лекция была оценена студентами как «хорошая». В дальнейшем Андрей неоднократно замечал, что «Макарий... читает весьма отчетливо — спасибо ему!», или совсем кратко и емко: «гремел Макарий»⁵⁷. Этот первый и последний опыт будущего митрополита — в дальнейшем он преподавал исключительно основное и догматическое богословие — лег в основу знаменитой многотомной макарьевской «Истории Русской Церкви». Ревность молодого преподавателя по делу была не напрасна: несколько человек с XI курса выбрали для выпускных сочинений темы, связанные с русской церковной историей. Среди них был и Андрей Капустин: для «курсового рассуждения» он выбрал тему «О секте скопцов в России»⁵⁸. Работа, к сожалению, в архиве КДА не сохранилась.

⁵⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 75 об.

⁵⁵ Там же. Д. 1119. Л. 287 об.

⁵⁶ Антонин (Капустин), архим. Записки паломника Святой Горы. М., 2013. С. 319.

⁵⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 84, 87, 108.

⁵⁸ Там же. Л. 173 об.

Впрочем, тема выпускной работы Андрея, как и некоторых его однокурсников, отражала еще одно важное явление: миссионерский подъем, также ставший заметным в КДА в конце 1830-х — 1840-х гг. Почему миссионерские интересы, характерные для всей духовной школы 1850-х гг. (открытие миссионерских и «противораскольнических» кафедр, соответствующие темы выпускных работ), в Киеве опередили время? Наиболее вероятно в этом сказалось влияние святителя Филарета (Амфитеатрова), в пору своего пребывания на Казанской кафедре (1827–1836) совершившего немало миссионерских подвигов: обращение и дальнейшее христианское просвещение инородцев, разработка проекта специальной подготовки миссионеров в духовной школе⁵⁹. В общении со студентами Киевских духовных школ святитель Филарет старался не только раскрыть важность миссионерского служения, но объяснить его особенности и отчасти подготовить к нему.

Предназначенность студентов академий к развитию «духовной учености» подразумевала умение читать — в смысле умения работать с серьезной научной литературой, источниками — и писать собственные ученые трактаты. В КДА, которая опиралась еще на опыт «книжности» XVII–XVIII вв., лучшие студенты быстро становились «книжниками» и «борзописцами». Это было общей чертой высшей духовной школы, на которой ставился особый акцент еще Уставом 1814 г.: «духовная ученость» должна распространять лучи Христова света для просвещения мира через устное «слово», проповедь, но для читающего круга русского общества — и через письменное слово. Святитель Иннокентий еще в пору преподавания в СПбДА неоднократно публиковал свои статьи в «Христианском чтении», причем иногда существенно поддерживая этот журнал. Разумеется, став ректором, один из самых «пишущих» русских богословов первой половины XIX в. основал при КДА новый журнал — «Воскресное чтение» (1837), в котором публиковались статьи и проповеди профессоров, стремился добиться открытия при КДА собственной типографии и духовной цензуры, хотя последнее не удалось⁶⁰.

Студентов академии не воспитывали уже «субботними порками», как то бывало в духовном училище, не сажали в карцер, как студентов

⁵⁹ *Сергий [(Василевский)], архим.* Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время: в 3 т. Т. 2. Казань, 1888. С. 5–102.

⁶⁰ Из писем Херсонского архиепископа Иннокентия к К. С. Сербиновичу... С. 435, 436.

семинарии. «Детины непобедимой злобы» и «непобедимой тупости» (характеристики из семинарских документов конца XVIII в.) в *высшую* школу не попадали. Статус «академиста» подразумевал определенное *уважение*. Воспитывал, прежде всего, сам *ритм* академической жизни, во многом определяемой богослужением: о том, что молились за утреней и литургией или были на всенощной, в дневнике о. Антонина упоминается не только по воскресным или праздничным дням, но большую часть дней. Разумеется, в преподавательском статусе, приняв священный сан, архимандрит Антонин так же часто служил. Кроме регулярных богослужений в храмах Братского монастыря, часто ходили в Лавру, в Михайловский монастырь, Софийский собор, совершали поездки в Голосееву пустынь и Феофанию. Особое значение и переживания имел период Великого поста. Жизнь студентов была достаточно напряженной и в смысле занятий: было много письменных упражнений, «задачек», во время выпускного года много времени отнимало написание курсового сочинения и подготовка «лекции» к выпускному экзамену. Хотя в дневнике Андрея Капустина можно встретить фразу «в свободное от праздности время занимался делом»⁶¹, это следует объяснять характерной самоиронией автора. Так, про выпускной публичный экзамен, которого очень боялись все студенты, он пишет «публичные пустяки кончились»⁶².

Разумеется, были и минуты отдыха, которые тоже воспитывали — прежде всего, общение с преподавателями и друзьями «за чаем», длительные прогулки по Киеву с его монастырями и церквями, поездки в Борщаговку на академическую дачу, где можно было совершать прогулки по лесам и полям, где открывались просторы и красота богосозданного мира⁶³. Из друзей-студентов стоит упомянуть в первую очередь студента X курса Серафима Серафимова — друга Андрея Капустина еще по Екатеринославской ДС. Их дружба продолжилась и в академии, да и в дальнейшем.

⁶¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 170 об.

⁶² Там же. Л. 171 об.

⁶³ Там же. Л. 170 об.

Борщаговка — историческая местность на запад от Киева (ныне в пределах города); в конце XVII в. здесь были выделены киевским монастырям — Братскому, Михайловскому, Софийскому — поселения «на борщи», то есть поля и огородные хозяйства. Братская Борщаговка в 1770 г. получила статус села, так как там была построена церковь. Преподаватели и студенты КДА отправлялись в Борщаговку отдохнуть от города, погулять по лесам и полям.

Особой темой в воспитании студентов КДА являлось монашество. Киевская академия всегда была самой «монашеской» из четырех российских духовных академий: она помещалась в Братском монастыре с момента своего основания в 1615 г., в XVII–XVIII в. большая часть преподавательской корпорации была насельниками этого монастыря. Но в XIX в., когда состав духовно-академических корпораций изменился, на ревность преподавателей и студентов к монашеству оказывали определенное влияние личности правящего архиерея и ректора, который был и настоятелем Братского монастыря. Митрополита Филарета (Амфитеатрова), который вступил на Киевскую кафедру в 1837 г., называли «монахом на архиерейской кафедре», Филаретом Благочестивым. Он с детства стремился к уединенной монашеской жизни, еще в ранней юности порывался принять постриг и принял его в 18 лет сразу по окончании Севской семинарии. Уже будучи архиереем, святитель Филарет со всей строгостью исполнял все правила иноческого жития, отличался смиреннием, нестяжательностью, нищелюбием, при этом неоднократно думал уйти на покой в монастырь и предаться любезным его сердцу аскетическим подвигам. Так, пребывая на Казанской кафедре, он устроил себе келию в Раифской пустыни, в Киеве жил с братией в Лавре, летом — в Голосеевой пустыни как простой инок. 13 августа 1841 г. святитель Филарет тайно принял великую схиму с именем Феодосий во имя преподобного Феодосия Печерского, что было нехарактерно для архиереев XIX в., и после этого еще 17 лет оставался правящим митрополитом⁶⁴. Отношение к академии у святителя Филарета — и к профессорам, и к студентам — было неформальное, очень личностное, отеческое. Он часто приезжал в академию, спрашивал студентов по изучаемым предметам, причем преимущественно «из гомилетики», «из ц[ерковной] истории и патрологии»⁶⁵. У о. Антонина в дневниках много говорится о святителе Филарете — как и прочие студенты, он его называл «добрым дедушкой»⁶⁶, «нашим батюшкой белоглавым»⁶⁷ и очень почитал. Преподавателей и студентов, желавших принять монашество, святитель Филарет сам постригал в лаврских пещерах.

⁶⁴ *Сергий [(Василевский)], архим.* Высокопреосвященный Филарет... Т. 3. С. 355–378.

⁶⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 169 об.

⁶⁶ Там же. Л. 3, 158 об. и др.

⁶⁷ Там же. Д. 1119. Л. 287 об.

Особый монашеский настрой создавали и ректоры КДА — все они, святитель Иннокентий, архимандриты Иеремия и Димитрий — были «монахами от Бога». Архимандрит Иеремия даже стремился всю свою жизнь стать не академическим, а монастырским монахом: еще после окончания семинарии он ушел в Свенский Новопечерский Успенский монастырь, желая исполнять самую «черную» работу, и вернулся в духовную школу только по настоянию своего друга иеромонаха Иннокентия (Борисова). В 1860 г. тогда уже епископ Нижегородский Иеремия все же уйдет ото всех дел, примет схиму и проведет остаток дней в аскетических подвигах и ежедневном служении литургии⁶⁸. Упомянутый выше преподаватель церковной истории Д. И. Макаров принял постриг с именем Лаврентий и вскоре был назначен наместником Киево-Печерской лавры, при этом лавра стала еще ближе его бывшим ученикам. Много значил для профессоров и студентов КДА духовник лавры архимандрит Парфений (Краснопевцев), с юности выбравший для себя аскетический образ жизни, неукоснительно следовавший ему всю свою жизнь и стяжавший многие духовные дары⁶⁹.

Примеры митрополита, ректора, инспектора, преподавателей создавали в КДА общий «монашеский настрой», и постриг в те годы принимали многие выпускники. Так, на курсе о. Антонина уже при выпуске среди студентов было 4 монаха, еще несколько человек, среди которых был и о. Антонин, приняли постриг в течение последующих 3-х лет. Хотя в дневнике он писал, что «думал о жизни брачной»⁷⁰, но, возможно, монашеский настрой его был замечен и на школьной скамье. По крайней мере, для выпускного публичного экзамена ему было поручено инспектором составить рассуждение об умной молитве⁷¹. Возможно, последним убедительным аргументом стало принятие монашества и любимым учителем и другом П. С. Авсеновым, 11 октября 1844 г. ставшим о. Феофаном. Монашеский путь был сужден и Андрею Капустину, и 7 ноября

⁶⁸ Титов А. А. Преосвященный Иеремия, в схимонашестве Иоанн, епископ Нижегородский и Арзамасский: Биографический очерк // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. Отд. 5. С. 1–47.

⁶⁹ Прославлен в 1994 г. Украинской Православной Церковью в качестве местночтимого святого.

⁷⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Л. 166.

⁷¹ Там же. Л. 170 об.

1845 г. совершился его постриг: «конец Андрею!», а из него «таки вышел давний знакомый наш Антонин»⁷². Последующие жизни двух архимандритов по-прежнему будут тесно связаны, за старшим другом, назначенным в 1850 г. в Рим, отправится на православный Восток и архимандрит Антонин. И именно он составит через три года некролог по рано ушедшему из земной жизни архимандриту Феофану⁷³.

В заключение постараемся ответить на вопрос, поставленный в начале статьи: какое же значение имело духовно-академическое образование и воспитание в формировании архимандрита Антонина? Приведенные выше данные свидетельствуют, что КДА, как «вертоград наук духовный», созданный сочетанием общего направления духовного образования, заданного реформой 1808–1814 гг., новых тенденций и импульсов 1830–40-х гг., особенных черт Киевской академии и личностей, в ней начальствующих, учащих и учащихся, вполне соответствовала своему назначению: готовить к просвещенному служению Церкви. Поэтому вряд ли справедливы все обвинения в «дурной схоластичности», отсутствии молитвенного настроения, духовной жизни и пр. Разумеется, каждый выпускник вмещал и воспринимал все предлагаемое настолько, насколько мог в силу своих дарований, семейного воспитания, ревности по делу, искренности, устремленности к будущему служению, жертвенности. Но никакая школа не может дать «орудия», которое могло бы действовать механическим применением: служение Церкви требует просвещенности Духом Святым. В контексте общей «духовной учености» в «вертограде» возвращались собственные дарования и развивались интересы каждого студента. В личности архимандрита Антонина, наделенного от природы не только немалыми и разнообразными талантами, но и интересом к самым разным наукам, устройению бытия на всех его уровнях, ярко проявилось все богатство киевского «духовного вертограда». Особый же путь, уготованный архимандриту Антонину, нестандартные условия, в которые он попал, позволил не только впитать, но плодотворно реализовать тот заложенный потенциал, те черты родной академии, которые, может быть, не столь ярко выявились в судьбах других ее питомцев.

Список литературы

⁷² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1121. Л. 140 об. – 141.

⁷³ [Антонин (Капустин), архим.] Архимандрит Феофан (в миру П. С. Авсенов): Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. Март. Ч. LXXXVII. Отд. VII. С. 101–108.

1. А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, вечером в Великий Пяток при обношении Плащаницы, ночью 26 марта 1871 г. / публ. Л. Мацевича // Труды Киевской духовной академии. 1871. № 4. С. 219–224.
2. А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, при обношении Плащаницы, ночью 11 апреля 1875 г. // Труды Киевской духовной академии. 1875. № 6. С. 818–822.
3. А. Слово, произнесенное в Иерусалиме на Голгофе, при обношении Плащаницы, ночью 2 апреля 1876 г. // Труды Киевской духовной академии. 1876. № 5. С. 410–417.
4. [Антонин (Капустин), архим.] Архимандрит Феофан (в миру П. С. Авсенева): Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. Март. Ч. LXXXVII. Отд. VII. С. 101–108.
5. Антонин (Капустин), архим. Записки паломника Святой Горы. М., 2013.
6. Антонин (Капустин), архим. Поездка в Румелию. СПб., 1879.
7. Антонин [(Капустин)], иером. Проповеднический круг подвижных праздников Церкви: Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие особенно чествуемые дни Постной и Цветной Триоди: в 2 ч. Киев, 1850.
8. Антонин [(Капустин)], иером. Седмица страстей Христовых. Киев, 1850.
9. Аскоченский В. И. Дневник // Исторический вестник. Т. VII. 1882. № 1. С. 79–106; № 2. С. 318–344; № 3. С. 534–565; Т. VIII. № 4. С. 80–109; № 5. С. 270–288; № 6. С. 502–521; Т. IX. № 7. С. 30–52; № 8. С. 259–294; № 9. С. 471–482.
10. Аскоченский В. И. Киев с древнейшим его училищем и академией: в 2 ч. Киев, 1856.
11. Аскоченский В. История Киевской духовной академии. Киев, 1963.
12. Барсов Н. И. Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского // Христианское чтение. 1888. № 1/2. С. 199–227.
13. Бурега В. В. Вивчення Київською духовною академією власної історії: здобутки останніх років і перспективи // Труды Киевской духовной академии. № 23. Київ, 2015. С. 105–117.
14. Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910–954.
15. Гроссу Н., свящ. Архиепископ Димитрий Муретов, как проповедник // Труды Киевской духовной академии. 1911. № 3. С. 429–443.
16. Дневник архимандрита Антонина (Капустина). 1850 / сост., подг. текста Л. А. Герд, К. А. Вах. М., 2013.
17. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой // Филаретовский альманах. Вып. 6. М., 2010. С. 43–91.
18. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): в 3 вып. Вып. 1. Казань, 1891.

19. *Иеремия (Соловьев), еп.* Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом, в Бозе почившем // Нижегородские епархиальные ведомости. 1885. № 24. С. 1–26.
20. Из писем Херсонского архиепископа Иннокентия к К. С. Сербиновичу // Русский архив. Т. СХХIV. 1907. № 8. С. 432–441.
21. ИР НБУВ. Ф. 160. Д. 387. *Аскоченский В. И.* Пропедевтика в патрологию.
22. *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.) М., 1997.
23. *Климент (Капалин), митр.* Феофан, Затворник Вышенский: молодость в Киевской духовной академии // Сайт «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5073540.html> (дата обращения: 26.04.2017).
24. *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской духовной академии. СПб., 1843.
25. *Мальшевский И. И.* Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11/12. С. 64–138.
26. Обзорение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. Т. I. СПб., 1885. С. 123–151.
27. *Палимпсестов И. И.* Учитель и ученик // Русский архив. 1896. Т. 1. № 2. С. 270–273.
28. Письма архимандрита Антонина Капустина к протоиерею Серафиму Антоновичу Серафимову // Труды Киевской духовной академии. 1906. № 8/9. С. 680–710; № 10. С. 108–135; № 11. С. 361–382; 1908. № 2. С. 237–265; № 3. С. 404–421.
29. *Предеин Д., прот.* Догматическое учение Димитрия (Муретова), архиепископа Херсонского. Андреевский вестник: Пастырско-богословский журнал Одесской духовной семинарии. 2007. № 14 // Сайт Одесской духовной семинарии. URL: http://www.odseminary.orthodox.ru/magazine/14/Muretov_dogmatica.htm (дата обращения: 01.05.2017).
30. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1119. Дневник архимандрита Антонина (А. И. Капустина). Ч. II (1836–1839).
31. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1120. Дневник архимандрита Антонина (А. И. Капустина). Ч. III (1840–1843).
32. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1121. Дневник архимандрита Антонина (А. И. Капустина). Ч. IV (1844–1847).
33. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1122. Дневник архимандрита Антонина (А. И. Капустина). Ч. V (1848–1853).
34. *Сергий [(Василевский)], архим.* Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время: в 3 т. Казань, 1888.

35. Скабалланович М. Н. О лекциях по богословию архимандрита Димитрия (Муретова) в их студенческих записях // Труды Киевской духовной академии. 1911. № 3. С. 444–449.
36. Списки начальствующих и наставников Киевской духовной академии за истекшее пятидесятилетие ее: 1819–1869 гг. // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11/12. С. 381–402.
37. Титов А. А. Преосвященный Иеремия, в схимонашестве Иоанн, епископ Нижегородский и Арзамасский: Биографический очерк // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. Отд. 5. С. 1–47.
38. Титов Ф. И., прот. Императорская Киевская духовная академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915): Историческая записка. Киев, 1915.
39. Титов Ф. И., прот. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: Историко-биографический очерк: в 3 т. Киев, 1895–1903.
40. Титов Ф. И., свящ. Очерки из истории Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. 1897. № 10. С. 167–207.
41. ЦГИАУК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 9048. Дело о получении телескопа, завещанного архимандритом Антонином КДА.
42. Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. СПб., 1888.
43. Щербакова М. И. Киевская духовная академия в годы учения святителя Феофана (Говорова) // Филаретовский альманах. № 11. М., 2015. С. 176–189.
44. Ястребов М. Ф. Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов), как профессор богословия Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. 1900. № 12. С. 522–566.

Nataliya Yu. Sukhova

ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN) AND THE KIEV THEOLOGICAL ACADEMY: THE PARADOX OF PREPARING SUCCESSFUL MISSIONARY

Abstract

The article is devoted to the theological and academic years of Archimandrite Antonin (Kapustin) — the famous Russian missionary, Church historian and orientalist, successful head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem who had stayed at this position longer than

anyone else, the creator of the “Russian Palestine”. Archimandrite Antonin was educated and formed as an ecclesiastical person in the Russian theological school, having passed all its stages: the Dalmatian theological school (1825–1830), the Perm theological seminary (1830–1836) and the Ekaterinoslav (1836–1839) seminary, then the Kiev Theological Academy (1839–1843). The fact of a successful ecclesiastic-practical service of Archimandrite Antonin contradicted with the traditional accusation of the nineteenth-century Russian theological schools in “scholasticism”, isolation and detachment from the real problems of the Church; and it is a kind of paradox, to which the article is devoted.

The chronological scope of the article covers the periods of study (1839–1843) and teaching (1843–1850) in the Kiev Theological Academy (further — KTA). The article is focused primarily on the spiritual and academic realities. The author draws attention to the peculiarities of the educational situation and orders in higher theological schools in general and in KTA especially — during the period of studying and teaching of Archimandrite Antonin. The author examines the educational concept of Archbishop Innokenty (Borisov) that he had worked out during his leadership of the Kiev Academy and which in many ways determined the life of the Academy for the next decades. The main disciplines studied by Archimandrite Antonin during his apprenticeship and brief descriptions of professors and their training courses are also given in the article.

The article touches upon the issues of upbringing in a theological academy and professors’ moral influence on students. The author identifies those individuals who might have had an influence upon Archimandrite Antonin: the Kiev and Galich Metropolitan Philaret (Amphiteatrov), the rectors of KTA Archbishop Innokenty (Borisov), Bishop Jeremiah (Soloviov), Archbishop Dimitry (Muretov), Father Superior of the Kiev-Pechersk Lavra Archimandrite Lavrenty (Makarov) and the ghostly father Archimandrite Parfeny. The state of academic monasticism in KTA in the 30s and 40s of the nineteenth century, as well as some details of the choice of the monastic path made by Andrei Kapustin, are considered here.

The research results in the following conclusion: the Kiev Academy, arranged on a combination of the general direction of theological education of 1808–1814, new tendencies of the 1830s–40s, peculiar features of the Kiev academy and the personalities running it, as well as of the academy teachers and students, in full measure corresponded to its purpose, i.e., to preparing persons for the enlightened Church service. Therefore, it is unlikely that all the accusations like a “bad scholasticism” or a lack of prayerful spirit are true. Of course, each graduate perceived and mastered the offered skills and knowledge in one’s own measure according to the talents and family upbringing, zeal and sincerity, aspiration for future service and sacrifice. In the context of a common theological learning, students’ own talents were cultivated and the interests of each student were developed. The personality of Archimandrite Antonin endowed not only by considerable and diverse talents, but also by intellectual curiosity for a variety of sciences, demonstrated deep interest to the arrangement of life, so the entire wealth of the Kiev “spiritual garden” was made manifest in him. And a special path that was doomed to him allowed Archimandrite Antonin not only to absorb, but to fruitfully realize the specific features of the native academy, which, perhaps, did not appear so clearly in the destinies of some other students.

Keywords: *Russian theology, Kiev Theological Academy, Archimandrite Antonin (Kapustin), St. Innokenty (Borisov).*

References

1. [Antonin (Kapustin), arkhim.] Arkhimandrit Feofan (v miru P. S. Avsenev): Nekrolog [Archimandrite Theophanes (worldly name — P. S. Avsenev): Obituary]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia — Journal of the Ministry of People's Education*, 1853, March. P. LXXXVII, sec. VII, pp. 101–108.
2. [Antonin (Kapustin), arkhim.] Slovo, proiznesennoe v Ierusalime na Golgofe, pri obnoshenii Plashchanitsy, noch'iu 11 aprelia 1875 g. [The word uttered in Jerusalem on Calvary, in the evening of Great Friday, when carrying a shroud, on the night of April 11, 1875]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1875, no. 6, pp. 818–822.
3. [Antonin (Kapustin), arkhim.] Slovo, proiznesennoe v Ierusalime na Golgofe, pri obnoshenii Plashchanitsy, noch'iu 2 aprelia 1876 g. [The word uttered in Jerusalem on Calvary, in the evening of Great Friday, when carrying a shroud, on the night of April 2, 1876]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1876, no. 5, pp. 410–417.
4. [Antonin (Kapustin), arkhim.] Slovo, proiznesennoe v Ierusalime na Golgofe, vecherom v Velikii Piatok pri obnoshenii Plashchanitsy, noch'iu 26 marta 1871 g. [The word uttered in Jerusalem on Calvary, in the evening of Great Friday, when carrying a shroud, on the night of March 26, 1871]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1871, no. 4, pp. 219–224.
5. Antonin (Kapustin), arkhim. Poezdka v Rumeliiu [A trip to Rumelia]. St. Petersburg, 1879.
6. Antonin (Kapustin), arkhim. Zapiski palomnika Sviatoi Gory [Notes of a pilgrim of the Holy Mountain]. Moscow, 2013.
7. Antonin [(Kapustin)], hierom. Propovednicheskii krug podvizhnykh prazdnikov Tserkvi: Slova i besedy na voskresnye, prazdnichnye i drugie osobenno chestvuemye dni Postnoi i Tsvetnoi Triodi: v 2 ch. [Preaching circle of the movable holidays of the Church: Homilies and conversations on Sundays, holy days and other special celebrations of the Lenten and Flowery Triodia: in 2 parts]. Kiev, 1850.
8. Antonin [(Kapustin)], hierom. *Sedmitsa strastei Khristovykh* [The Holy Week of the Passion of the Christ]. Kiev, 1850.
9. Askochenskii V. *Istoriia Kievskoi dukhovnoi akademii* [History of the Kiev Theological Academy]. Kiev, 1963.
10. Askochenskii V. I. Dnevnik [Diary]. *Istoricheskii vestnik — Historical bulletin*, vol. VII, 1882, no. 1, pp. 79–106; no. 2, pp. 318–344; no. 3, pp. 534–565; vol. VIII, no. 4, pp. 80–109; no. 5, pp. 270–288; no. 6, pp. 502–521; vol. IX, no. 7, pp. 30–52; no. 8, pp. 259–294; no. 9, pp. 471–482.
11. Askochenskii V. I. *Kiev s drevneishim ego uchilishchem i akademiei: v 2 ch.* [Kiev with its oldest school and academy: in 2 parts]. Kiev, 1856.
12. Barsov N. I. Materialy dlia biografii Innokentii, arkhiepiskopa Khersonskogo [Materials for the biography of Innokenty, Archbishop of Kherson]. *Khristianskoe chtenie — Christian reading*, 1888, no. 1/2, pp. 199–227.

13. Burega V. V. Vivchennia Kiïvs'koiu dukhovnoiu akademieiu vlasnoi istorii: zdotutki ostannikh rokiv i perspektivi [The study of the Kiev Theological Academy's own history: the achievements of recent years and prospects]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 2015, no. 23, pp. 105–117.
14. Filaret (Drozdov), arkhim. Obozrenie bogoslovskikh nauk v otnoshenii k prepodavaniiu ikh v vysshikh dukhovnykh uchilishchakh [Review of the theological sciences in relation to teaching them in higher theological schools]. *Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam, izdanno pod redaktsiei preosviashchennogo Savvy, arkhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo: v 5 t. [Collection of opinions and comments of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and church issues, edited under the editorship of His Eminence Sawa, Archbishop of Tver and Kashin: in 5 vols.]*. St. Petersburg, 1885, vol. I, pp. 123–151.
15. Gerd L. A., Vakh K. A. (eds.) *Dnevnik arkhimandrita Antonina (Kapustina)* [Diary of Archimandrite Antonin (Kapustin). 1850]. Moscow, 2013.
16. Grossu N., svyasch. Arkhiepiskop Dimitrii Muretov, kak propovednik [Archbishop Dimitri Muretov as a preacher]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1911, no. 3, pp. 429–443.
17. Ieremiia (Solov'ev), ep. Vospominaniia o preosviashchennom Innokentii, arkhiepiskope Khersonskom i Tavricheskom, v Boze pochivshem [Memoirs of His Eminence Innokenty, Archbishop of Kherson and Tavria, who fell asleep in the Lord]. *Nizhegorodskie eparkhial'nye vedomosti — Nizhny Novgorod Eparchial Gazette*, 1885, no. 24, pp. 1–26.
18. IR NBV — Institut rukopisei Natsional'noi biblioteki imeni V. I. Vernadskogo [Institute of Manuscripts of the National Ukraine Library of V. I. Vernadsky]. Stock 160. Dos. 387 (Askochenskij V. I. Propedevtika v patrologiiu [Propaedeutics in Patristics]).
19. Iz pisem Khersonskogo arkhiepiskopa Innokentiiia k K. S. Serbinovichu [From the letters of Kherson archbishop Innokenty to K. S. Serbinovich]. *Russkii arkhiv — Russian archive*, vol. CXXIV, 1907, no. 8, pp. 432–441.
20. Kiprian (Kern), arkhim. *Otets Antonin Kapustin, arkhimandrit i nachal'nik Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime (1817–1894 gg.)* [Father Antonin Kapustin, Archimandrite and Head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1817–1894)]. Moscow, 1997.
21. Kliment (Kapalin), mitr. Feofan, Zatvornik Vyshenskii: molodost' v Kievskoi dukhovnoi akademii [Theophan, the Vyshensky Recluse: the youth in Kiev Theological Academy]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/5073540.html> (accessed: 26.04.2017).
22. M[atseevich] L. S. (ed.) Pis'ma arkhimandrita Antonina Kapustina k protoiereiu Serafimu Antonovichu Serafimovu [Letters from Archimandrite Antonin Kapustin to Archpriest Seraphim Antonovich Serafimov]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1906, no. 8/9, pp. 680–710; no. 10, pp. 108–135; no. 11, pp. 361–382; 1908, no. 2, pp. 237–265; no. 3, pp. 404–421.
23. Makarii (Bulgakov), hierom. *Istoriia Kievskoi dukhovnoi akademii* [History of the Kiev Theological Academy]. St. Petersburg, 1843.

24. Malyshevskii I. I. Istoricheskaia zapiska o sostoianii Kievskoi dukhovnoi akademii v istekshee piatidesiatiletie [Historical note on the state of the Kiev Theological Academy for the last fifty years]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1869, no. 11/12, pp. 64–138.
25. Palimpsestov I. I. Uchitel' i uchenik [Teacher and student]. *Russkii arkhiv — Russian archive*, 1896, vol. 1, no. 2, pp. 270–273.
26. Predein D., prot. Dogmaticheskoe uchenie Dimitriia (Muretova), arkhiepiskopa Kherkonskogo. [Dogmatic doctrine of Dimitry (Muretov), archbishop of Kherson]. *Andreevskii Vestnik: Pastyrsko-bogoslovskii zhurnal Odesskoi dukhovnoi seminarii*. 2007, n°. 14 [Andreevsky Bulletin: Pastoral-theological Magazine of the Odessa Theological Seminary]. Available at: http://www.odseminary.orthodox.ru/magazine/14/Muretov_dogmatica.htm (accessed: 01.05.2017).
27. RGIA — Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Stock 834. L. 4. Dos. 1119 (Dnevnik arkhimandrita Antonina (A. I. Kapustina) [Diary of Archimandrite Antonin (A. I. Kapustin)], p. II (1836–1839)).
28. RGIA — Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Stock 834. L. 4. Dos. 1120 (Dnevnik arkhimandrita Antonina (A. I. Kapustina) [Diary of Archimandrite Antonin (A. I. Kapustin)], p. III (1840–1843)).
29. RGIA — Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Stock 834. L. 4. Dos. 1121 (Dnevnik arkhimandrita Antonina (A. I. Kapustina) [Diary of Archimandrite Antonin (A. I. Kapustin)], p. IV (1844–1847)).
30. RGIA — Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Stock 834. L. 4. Dos. 1122 (Dnevnik arkhimandrita Antonina (A. I. Kapustina) [Diary of Archimandrite Antonin (A. I. Kapustin)], p. V (1848–1853)).
31. Sergii [(Vasilevskii)], arkhim. *Vysokopreosviashchennyi Filaret, v skhimonashestve Feodosii (Amfiteatrov), mitropolit Kievskii i Galitskii, i ego vremia: v 3 t.* [The Most Eminent Philaret, Theodosius in schema (Amphiteatrov), Metropolitan of Kiev and Galicia, and his time: in 3 vols.]. Kazan', 1888.
32. Shcherbakova M. I. Kievskaa dukhovnaia akademiia v gody ucheniia sviatitelia Feofana (Govorova) [Kiev Theological Academy in the years of studying of St. Theophan (Govorov)]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Anthology*, 2015, no. 11, pp. 176–189.
33. Shmurlo E. Mitropolit Evgenii kak uchenyi [Metropolitan Eugene as a scientist]. St. Petersburg, 1888.
34. Skaballanovich M. N. O lektiakh po bogosloviu arkhimandrita Dimitriia (Muretova) v ikh studencheskikh zapisiakh [About the lectures on Theology of Archimandrite Dimitry (Muretov) in the student' records]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1911, no. 3, pp. 444–449.
35. Spiski nachal'stvuiushchikh i nastavnikov Kievskoi dukhovnoi akademii za istekshee piatidesiatiletie eio: 1819–1869 gg. [Lists of the superiors and instructors of the Kiev Theological Academy for the last fifty years: 1819–1869]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1869, no. 11/12, pp. 381–402.

36. Sukhova N. Yu. (ed.) Zapiski sviatitelei Innokentii (Borisova) i Filareta (Drozdova) o dukhovnykh shkolakh [Notes on theological schools written by the prelates Innokenty (Borisov) and Philaret (Drozdov)]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Anthology*, 2010, no. 6, pp. 43–91.
37. Titov A. A. Preosviashchennyi Ieremiia, v skhimonashestve Ioann, episkop Nizhegorodskii i Arzamasskii: Biograficheskii ocherk [The Eminent Jeremiah, John in schema, Bishop of Nizhny Novgorod and Arzamas: Biographical essay]. *Chteniia v obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh — Readings in the Society of History and Russian Antiquities*, 1887, book 3, sec. 5, pp. 1–47.
38. Titov F. I., prot. *Imperatorskaia Kievskaia dukhovnaia akademiia v eio trekhvekovoi zhizni i deiatel'nosti (1615–1915): Istoricheskaia zapiska* [The Imperial Kiev Theological Academy in its three-century existence and activity (1615–1915): Historical note]. Kiev, 1915.
39. Titov F. I., prot. *Makarii (Bulgakov), mitropolit Moskovskii i Kolomenskii: Istoriko-biograficheskii ocherk: v 3 t.* [Makarij (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna: Historical and biographical essay: in 3 vols.]. Kiev, 1895–1903.
40. Titov F. I., prot. *Ocherki iz istorii Kievskoi dukhovnoi akademii* [Essays from the history of Kiev Theological Academy]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1897, no. 10, pp. 167–207.
41. TsGIAUK — Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Ukrainy g. Kiieva [The Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev]. Stock 711. L. 1. Dos. 9048 (Delo o poluchenii teleskopa, zaveshchannogo arkhimandritom Antoninom KDA [The case of obtaining a telescope, bequeathed to KTA by Archimandrite Antonin]).
42. Vysochaishe utverzhdennyi 30 avgusta 1814 g. proekt Ustava pravoslavnykh dukhovnykh uchilishch [The Draft of Charter of Orthodox Theological schools supreme approved on the 30th of August, 1814]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie* [The complete collection of laws of the Russian Empire. First collection]. St. Petersburg, 1830, vol. XXXII, no. 25673, pp. 910–954.
43. Yastrebov M. F. Vysokopreosviashchennyi Innokentii (Borisov), kak professor bogosloviia Kievskoi dukhovnoi akademii [The Most Eminent Innokenty (Borisov) as a Professor of Theology of Kiev Theological Academy]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii — Transactions of the Kiev Theological Academy*, 1900, no. 12, pp. 522–566.
44. Znamenskii P. V. *Istoriia Kazanskoi dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniia (1842–1870): v 3 vyp.* [History of the Kazan Theological Academy for the first (pre-reform) period of its existence (1842–1870): in 3 issues]. Kazan', 1891, issue 1.